

DOI: 110.31857/S032103910001670-0

ФРИНА, ОБНАЖЕННАЯ ГИПЕРИДОМ,
ИЛИ РИТОРИКА ЖЕСТА В АНТИЧНЫХ АФИНАХ
(К ВОПРОСУ О НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ДИСКУРСА)

И. Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный институт, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

В античной Греции употреблялись следующие виды жестов (если упростить неоправданно сложную пятичленную классификацию Д. Латейнера, сведя ее к трем пунктам): 1) жесты сознательные и ритуализованные; 2) жесты сознательные, но неритуализованные, индивидуальные; 3) жесты бессознательные. В связи с «риторикой жеста» в данной статье речь идет в основном о жестах второй категории. Приводя различные примеры из политической и судебной истории Афин архаического и классического периодов, автор стремится показать, что в рамках культуры сознательных неритуализованных жестов жесты более умеренные соотносились (во всяком случае, в восприятии источников) с политической позицией, которая представлялась также более умеренной, жесты несдержанные – с радикальной позицией.

Ключевые слова: Афины, архаический и классический периоды, жесты, риторика, асiо, политики, ораторы, Гиперид, Демосфен, Клеон, Солон, Писистрат

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры отделения социокультурных исследований РГГУ.

В основу статьи легли доклады, прочитанные в апреле 2017 г. на конференции «Современные методы изучения культуры – IX» (ОСКИ РГГУ) и в декабре 2017 г. на конференции «Историк и текст – 6», посвященной 80-летию ВДИ (ИВИ РАН). Автор глубоко благодарен чл.-корр. РАН Н.П. Гринцеру: высказанные им замечания и ценные рекомендации помогли существенно улучшить текст. Разумеется, за оставшиеся в нем недостатки несет ответственность только автор.

PHRYNE MADE NAKED BY HYPERIDES, OR RHETORIC OF GESTURE IN ANCIENT ATHENS (TOWARDS THE PROBLEM OF NONVERBAL ELEMENTS IN THE DISCOURSE)

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

In Ancient Greece, the following types of gestures were in use (simplifying an unjustly complicated fivefold classification proposed by D. Lateiner and reducing it into three points): 1) conscious and ritualized gestures; 2) conscious but not ritualized gestures, of individual character; 3) unconscious gestures. In connection with the “rhetoric of gesture”, this article deals mainly with gestures of the second category. After citing various examples from political and legal history of Archaic and Classical Athens, the author aims to demonstrate that in the framework of culture of conscious non-ritualized gestures, more restrained gestures were correlated (at least in the sources’ perception) with a political position, which was also considered more moderate, and non-restrained gestures — with a radical position.

Keywords: Athens, Archaic and Classical periods, gestures, rhetoric, *actio*, politicians, orators, Hyperides, Demosthenes, Kleon, Solon, Peisistratos

«**Б**ыв в связи с гетерой Фриной, он (Гиперид.— *И. С.*) вступился за нее, когда ее привлекли к суду за святотатство. Он сам подтверждает это в начале своей речи. Когда ее вот-вот уже должны были осудить, Гиперид, выведя ее на середину¹ и порвав одежды, показал ее грудь, и, когда судьи увидели красоту этой женщины, они оправдали ее»².

Цитата, которой мы начинаем данную статью³, взята из достаточно интересного памятника — «Жизнеописаний десяти ораторов»⁴ Псевдо-Плутарха. Этот трактат, по солидарному мнению ученых, в корпус Плутарховых «Моралий» попал ошибочно, а в действительности херонейскому мудрецу не принадлежит. Тем не менее сочинение почти современно ему и во всяком

¹ Важность категории *εις μέσον* у греков постоянно подчеркивает в своем классическом труде Ж.-П. Вернан, видя в ней едва ли не главную черту типично полисной организации политического пространства: власть не «вверху», а «в середине» (Vernant 1988, 151).

² (Καὶ) δὴ καὶ [δίκη] Φρύνη τῇ ἑταίρᾳ ἀσεβεῖν κρινομένη συνεξητάσθη· αὐτὸς γὰρ τοῦτο ἐν ἀρχῇ τοῦ λόγου δηλοῖ μελλούσης δ’ αὐτῆς ἀλίσκεσθαι, παραγαγὼν εἰς μέσον καὶ περιρρήξας τὴν ἐσθῆτα ἐπέδειξε τὰ στέρνα τῆς γυναικός, καὶ τῶν δικαστῶν εἰς τὸ κάλλος ἀπιδόντων ἀφείθη ([Plut.] *X orat.* 849e; пер. Л.М. Глускиной).

³ Мы обязательно ее приводим, когда читаем студентам курс риторики.

⁴ Имеется в виду так называемый канон десяти (величайших) аттических ораторов, о котором см., например, Worthington 1994.

случае создано во II в. н.э. С этим текстом уже были знакомы (и пользовались им), например, Флавий Филострат, Гермоген Тарсийский. Сам же автор текста, кто бы им ни был, явно опирался на несохранившийся труд «О десяти ораторах» Кекилия (Цецилия) Калактийского, грекоязычного уроженца Сицилии, одного из крупнейших теоретиков риторики, работавшего в Риме в эпоху Августа⁵.

О ком в вышеприведенном пассаже идет речь, тоже совершенно ясно. Кто же не слышал о Фрине, «прекраснейшей из гетер»? Гиперид также фигура достаточно известная: один из самых видных ораторов и политиков Афин второй половины IV в. до н.э.⁶ Как мастера красноречия античные критики его ставили действительно весьма высоко, среди греков — чуть ли не на второе место после Демосфена (во всяком случае с точки зрения выразительности). Вот классический пассаж, принадлежащий большому знатоку: «У Исократова изящество, у Лисия простота, у Гиперида остроумие (*acumen*), у Эсхина звучность, у Демосфена сила» (Cic. *De or.* III. 28; пер. Ф.А. Петровского). Сказано настолько исчерпывающе, что, кажется, и прибавить нечего.

Не это ли самое гиперидовское остроумие проявилось в знаменитом жесте — публично раздеть красавицу Фрину? Главное в том, что он был совершенно неожиданным. Случалось, что мужчины в ходе судебного заседания рвали на груди одежду, дабы продемонстрировать раны, полученные в боях за отечество, и тем самым прибегали к эмоциональному воздействию на диакстов. Но обнажать женщину *в публичном месте*? И это в ту эпоху, когда даже скульптурные изображения обнаженного женского тела только-только начали практиковаться (с Афродиты Книдской Праксителя, натурщицей для которой, кстати, послужила, похоже, именно Фрина — Athen. XIII. 591a) и все еще воспринимались крайне неоднозначно⁷. Естественно, в аттической вазописи классической эпохи нагие женщины (по большей части как раз гетеры) появляются регулярно; однако эти сцены помещены не в общественный, а в частный контекст. Причем в двояком смысле: во-первых, упомянутые дамы изображены в домашней обстановке (а кто же может запретить ходить дома хоть нагишом?); во-вторых, расписные сосуды, в отличие от статуй, стоявших на улицах и площадях, являлись атрибутом не общественного, а сугубо частного пространства, употребляясь в основном на симпозиях, где эротика была более чем уместна. Но в суде, т.е. по сути перед лицом демоса?!

⁵ О вкладе Кекилия в развитие как греческой, так и римской риторики, о его роли как одного из крупнейших представителей аттицизма см. O'Sullivan 1997.

⁶ См. Cooper 2008, в связи с эпиграфическими данными, освещающими некоторые аспекты политической деятельности Гиперида, а именно его конфликт с одним из «старейшин» афинской политической элиты — Аристофонтом, которого знают мало, а он заслуживал бы специальной работы уже по крайней мере в связи с тем, что оставался непотопляемым на протяжении как минимум пяти десятков лет — с 400-х до 350-х годов до н.э. (сводку данных об Аристофонте см. Hansen 1989a, 37).

⁷ В жесте Гиперида мы, безусловно, видим, помимо прочего, еще и попытку воздействовать на эстетические чувства аудитории (см. также ниже в связи с возможной в данном контексте идеей ἐλόλτεια). О связи риторики и эстетики см. Cascardi 2004.

Тем не менее, хотя анонимный греческий автор римского времени, похоже, не вполне разбирается в тонкостях афинского судебного процесса IV в. до н.э. и, возможно, допускает какие-то неточности в мелочах, в целом историчность самого эпизода вряд ли следует подвергать сомнению. О нем есть сообщения и в других источниках, причем в некоторых деталях отличающиеся от цитированного выше, так что, как выясняется, вся история была несколько сложнее, чем представляется на первый взгляд. Но на этом мы подробнее остановимся ниже, пока же отметим: Гиперид таким образом выступил новатором в том отношении, что он в какой-то особо подчеркнутой, сугубо демонстративной форме использовал в своем выступлении формат невербального языка, языка жестов. Хотя он, конечно же, был не первым, кто использовал его вообще.

В контексте неориторики второй половины XX в., начиная с Х. Перельмана и льежской «группы μ», невербальные риторические жанры становятся вполне актуальными. Ведь не случайно же бельгийцы окрестили свое направление не только «неориторикой», но и «общей риторикой» (*rhétorique générale*), т.е. позиционировали его как дисциплину, освещающую с риторической точки зрения буквально «всё и вся». Уж если говорят о «риторике рекламы» (ею, кстати, активно занимался покойный Умберто Эко), о «риторике кинематографа», о «риторике музыки», о «риторике архитектуры», даже о «риторике поступка»⁸, то риторика жеста никак не должна остаться вне сферы внимания исследователей, в том числе специалистов по античности, когда жест был как-то особенно рельефен.

К проблеме невербальной коммуникации (которая, безусловно, включает в себя в качестве одного из основных элементов язык жестов) ныне явно наблюдается интерес⁹. Рассматривалась эта проблематика и на античном материале; так, применительно к Геродоту (да и не только к нему) об этом уже довольно давно писал один из видных специалистов в области творчества «отца истории» Д. Латейнер (см. ниже, прим. 16). Иногда в данной связи говорят также о «риторике тела»¹⁰, о «языке тела»¹¹ или даже о «политике тела»¹². Рассматривается соответствующий материал чаще всего в связи с историей театра, древнегреческого и римского¹³, иногда в аналогичном контексте употребляют вместо терминов «жест» или «тело» термин «движение»¹⁴. Как бы то ни было, в античном театре важнейшую роль играла имен-

⁸ Именно так: Peshkov 1998.

⁹ Burgoon, Humpherys, Moffitt 2008.

¹⁰ Crowley 2002; Schirren 2008.

¹¹ См. сборник «Язык тела в греческом и римском мирах» под редакцией Дугласа Кейрнса, а в нем прежде всего статьи, близко относящиеся к интересующей нас здесь тематике: Clarke 2005; Llewellyn-Jones 2005; Cairns 2005.

¹² Florence 2014.

¹³ Robert 2009; Dutsch 2013 (со специальными наблюдениями о «римской теории театрального жеста»); Florence 2014. В данной связи порой речь заходит и о «театральности вне театра» (Chaniotis 2005).

¹⁴ Ср., например, Stewart 2017.

но жестикуляция, поскольку мимика в его рамках была невозможна, ведь актеры выступали в масках¹⁵.

Во избежание дальнейших недоразумений, очевидно, нелишним будет сразу определить наше понимание самой категории жеста. Мы трактуем ее максимально широко: в принципе для нас «риторика жеста», «язык тела», «невербальная коммуникация» — это в известной мере синонимы. Думаем, что имеем право на подобную точку зрения, поскольку провести четкие разделительные линии между названными понятиями чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Так, Латеинер свою вышеупомянутую статью¹⁶ озаглавил «Невербальная коммуникация в “Истории” Геродота», но если в нее внимательно вчитаться, то становится ясным, что автор преимущественно рассматривает именно разного рода жесты, а не что-либо иное.

Более того, в нашем широком понимании жест может включать в себя (хотя, конечно, не обязательно включает) даже и вербальные элементы, но только в качестве вспомогательных, второстепенных, а главное место в нем все-таки обязательно занимает движение. Обозначенным подходом обусловливается то, что приводимые ниже конкретные примеры достаточно разнородны. И, подчеркнем, носят вполне выборочный, порой иллюстративный (но, надеемся, все же репрезентативный) характер, ибо исчерпать всю полноту релевантного материала в ограниченных рамках статьи никоим образом не удастся.

В классической теории риторики наличествует учение о пяти этапах разработки речи. В связи с четырьмя из них в контексте данной статьи проблем не возникает: *inventio* — «нахождение», *dispositio* — «расположение», *elocutio* — «выражение», *memoria* — «запоминание» (приводим традиционные латинские термины по Цицерону и Квинтилиану).

Остановимся на пятом этапе: «произнесении» («исполнении»). В литературе обычно приводят два латинских термина — *actio* и *pronuntiatio*, воспринимая их в общем-то как синонимы. В действительности они являются не в полной мере таковыми, и совершенно справедливо в одном из недавних трудов по риторике между ними проводится различие¹⁷. *Pronuntiatio* имеет отношение к голосу (как и следует из этимологии слова), к его модуляциям и интонациям; *actio* же — еще и к «языку тела», т.е. в конечном счете к пресловутым жестам. Кстати, латинский термин *actio* оказывается прямым соответствием греческому ὑπόκρισις, обозначающему прежде всего именно актерскую игру.

Подчеркнем: наш только что высказанный тезис отнюдь не следует воспринимать как нечто бесспорное. Мы лишь полагаем (и в этом мы не одиноки, см. прим. 17), что *actio* и *pronuntiatio* — *не вполне совпадающие* категории (это, кажется, достаточно мягкая формулировка), но, конечно, ни

¹⁵ McCart 2007; Wiles 2008; Varakis 2010 (со специальными наблюдениями о роли движений тела в условиях театра масок).

¹⁶ Lateiner 1987.

¹⁷ Schirren 2008; Meyer-Kalkus 2008.

в малейшей мере не намерены их *противопоставлять*. Ибо это было бы в корне неверно.

Так, в «Риторике» Аристотеля о жестикеуляции речь не идет, однако ὑπόκρισις упоминается неоднократно. Правда, чаще применительно к театральным реалиям, но изредка — и к выступлениям ораторов¹⁸. Пожалуй, наиболее взвешенным будет следующее суждение: actio шире по значению, нежели pronuntiatio. Последнее относится преимущественно к голосу, первое же — и к телодвижениям, и к голосу. Таким образом, actio включает в себя pronuntiatio, но не тождественно ему — в том смысле, что объединяет в себе аспекты невербальные (жесты) и вербальные. Нас же в рамках данной статьи интересуют именно невербальные.

А теперь вернемся к эпизоду с обнажением Фрины¹⁹. О нем, помимо Псевдо-Плутарха, достаточно подробно рассказывает также несколько более поздний автор — Афиней, который сперва дает описание, в основных деталях не расходящееся с тем, которое было приведено в начале нашей статьи:

Эвфий привлек ее к суду по уголовному обвинению, но суд ее оправдал... Фрину защищал Гиперид²⁰; так как речь его не имела успеха и судьи явно склонялись к осуждению, то он, выведя Фрину на видное место, разорвал на ней хитон и обнажил ее грудь, и этим зрелищем придал такую ораторскую силу своим заключительным стенаниям, что судьи ощутили суеверный страх перед этой жрицей и служительницей Афродиты и, подавшись состраданию, не обрekli ее на казнь. А после этого оправдания было постановлено, чтобы никакой судебный защитник не смел возбуждать жалость в судьях и чтобы никакой обвиняемый или обвиняемая не были выводимы напоказ. В самом деле, тело Фрины было особенно прекрасно там, где оно было скрыто от взгляда. Потому и нелегко было увидеть ее нагой: она носила хитон, облегающий все тело, и не бывала в общих банях. Но на многолюдном празднестве Посидоний в Элевсине она на глазах у всей Эллады сняла одежду и, распустив волосы, вошла в море²¹ (пер. Н.Т. Голинкевича).

¹⁸ Ср, например: «Люди, воспроизводящие что-либо наружностью, голосом, костюмом и вообще игрой (ὄλως ὑπόκρισει), в сильной степени возбуждают сострадание» (Arist. *Rhet.* II. 1386a 32 sq., пер. Н. Платоновой).

¹⁹ Недавно появилась ценная работа о данном сюжете (O'Connell 2013), в которой в частности высказывается весьма интересная мысль, что в речи Гиперида в защиту гетеры существенную роль должна была играть идея священного созерцания (ἐλόλτεια). Этот термин определенно имеет религиозные коннотации, ибо связан с Элевсинскими мистериями: эпоптами называли мистов высшей степени посвящения. Таким образом, жест оратора, видимо, должен был трактоваться в контексте содержания речи; он, несомненно, напомнил дикастам о скандальном и в то же время эффектным поступке Фрины, раздевшейся и купавшейся в Элевсине. Ср. Nagrosg.s.v. ἀνελόλτευτος; s.v. ἐλόλτευκότων (со ссылками как раз на речь Гиперида «В защиту Фрины»).

²⁰ Т.е., согласно этому свидетельству, Гиперид был у Фрины синегором, дополнительным «оратором-помощником». Впрочем, сама обвиняемая не могла выступать с речью перед дикастами, будучи женщиной, да еще и из сословия метеков.

²¹ Athen. *Deipn.* XIII. 590d–f: κρινομένη δὲ ὑπὸ Εὐθείου τὴν ἐπὶ θανάτῳ ἀπέφυγεν... ὁ δὲ Ὑπερείδης συναγορεύων τῇ Φρύνῃ, ὡς οὐδὲν ἦνυε λέγων ἐπίδοξοί τε ἦσαν οἱ δικασταί

Но чуть ниже Афиней в связи, видимо, с тем же процессом приводит выдержку из Посидиппа, представителя новой аттической комедии:

Тогда никто не мог сравниться с Фриною
Из нас, гетер. И ты хоть и не видела
Суда (ἀγῶν') над ней, но слышала, наверно:
Она казалась пагубою гражданам,
И приговор грозил ей казнью смертною
(τὴν ἡλιαίαν εἶλε περὶ τοῦ σώματος),
Но, обойдя весь суд и тронув каждого,
Она, рыдая, вымолила жизнь себе
(καὶ τῶν δικαστῶν καθ' ἓνα δεξιουμένη
μετὰ δακρῶν διέσωσε τὴν ψυχὴν μόλις)²².

В оригинале, как видим, Фрина не просто обходит дикастов, а пожимает каждому из них руку. В любом случае, не думаем, что этот пассаж противоречит цитированному выше; по крайней мере сам Афиней никакого противоречия здесь не подмечает. Скорее всего они взаимно дополняют друга. Ходила ли гетера по рядам судей с обнаженной грудью или уже одевшись (либо это происходило вообще еще до «жеста» Гиперида, ранее), — данный вопрос приходится оставить открытым.

Укажем еще на краткое упоминание о защите Фрины у знаменитого римского риторика Квинтилиана: «Уверяют, что и Фрина не красноречию Гиперида, впрочем, превосходному, но своей телесной красоте одолжена была своим спасением; ей стоило только обнажить оную перед судьями» (пер. А. Никольского)²³. Тут вроде бы получается, что гетеру обнажил не ее защитник, а она сделала это сама²⁴, что не вполне согласуется с основной

καταψηφιούμενοι, παραγαγὼν αὐτὴν εἰς τοῦμφανὲς καὶ περιρήξας τοὺς χιτωνίσκους γυμνά τε τὰ στέρνα ποιήσας τοὺς ἐπιλογικοὺς οἴκτους ἐκ τῆς ὄψεως αὐτῆς ἐπερρητόρευσεν δεισιδαιμονῆσαι τε ἐποίησεν τοὺς δικαστὰς τὴν ὑποφῆτιν καὶ ζάκορον Ἀφροδίτης ἐλέφ χρισσαμένους μὴ ἀποκτεῖναι. καὶ ἀφειθείσης ἐγράφη μετὰ ταῦτα ψήφισμα, μηδένα οἰκτιζεσθαι τῶν λεγόντων ὑπὲρ τινος μηδὲ βλέπομενον τὸν κατηγορούμενον ἢ τὴν κατηγορουμένην κρίνεσθαι. ἦν δὲ ὄντως μᾶλλον ἢ Φρύνη καλὴ ἐν τοῖς μὴ βλέπομένοις. διόπερ οὐδὲ ῥαδίως ἦν αὐτὴν ἰδεῖν γυμνήν· ἐχέσαρκον γὰρ χιτῶνιον ἠμπίεχτο καὶ τοῖς δημοσίοις οὐκ ἐχρήτο βαλανείοις. τῇ δὲ τῶν Ἐλευσινίων πανηγύρει καὶ τῇ τῶν Ποσειδωνίων ἐν ὄψει τῶν Πανελλήνων πάντων ἀποθεμένη θοιμάτιον καὶ λύσσασα τὰς κόμας ἐνέβαινε τῇ θαλάττῃ.

²² Athen. *Deipn.* XIII. 591e–f = Posidipp. Fr. 12 Kock (пер. Н.Т. Голинкевича).

²³ Quint. *Inst.* II. 15. 9: et Phrynen non Hyperidis actione quamquam admirabili, sed conspectu corporis, quod illa speciosissimum alioqui diducta nudaverat tunica, putant periculo liberatam.

²⁴ Ср. схожее свидетельство: «Далее, Фрина, когда она, несмотря на старания своего защитника Гиперида, должна была получить осуждение, разорвавши тунику, бросилась с обнаженными грудями к ногам судей (καταρρηξαμένη τοὺς χιτωνίσκους καὶ γυμνοῖς στήθεσι προκυλινδομένη τῶν δικαστῶν) и достигла, говорят, гораздо большего в убеждении судей своей красотой, чем ораторство защитника» (Sext. Emp. *Adv. math.* II. 4; пер. А.Ф. Лосева).

ветвью античной традиции о рассматриваемом событии. Впрочем, не является ли нестыковка кажущейся, так ли уж она принципиальна? Квинтилиан, повторим, очень краток, и главное в его суждении — показать, что важнейшим «оправдательным аргументом» для Фрины послужила не столько *actio* Гиперида (под *actio* в данном случае нужно понимать, полагаем, все поведение нашего оратора на процессе, включая как вербальные, так и невербальные составляющие), сколько ее неимоверная красота. И это понятно: увидев перед собой обнаженную уродливую (или просто заурядной внешности) женщину, дикасты, конечно, не смягчились бы.

Цицерон как минимум дважды приводит известную формулировку Демосфена, которым он столь восторгался. «Демосфен, говорят, на вопрос, что важнее всего в красноречии (*quid in dicendo esset primum*), ответил: “Во-первых — исполнение²⁵, во-вторых — исполнение, в третьих — исполнение”» (*De or.* III. 213; пер. Ф.А. Петровского)²⁶. «Ведь даже люди, лишённые дара слова, благодаря выразительному произнесению (*actionis dignitate*) нередко пожинали плоды красноречия, а многие люди речистые из-за неумелого произнесения (*deformitate agendi*) слыли бездарными. Поэтому недаром Демосфен утверждал, что и первое дело, и второе, и третье есть произнесение (*Demosthenes tribuerit et primas et secundas et tertias actioni*). И если без произнесения нет красноречия, а произнесение и без красноречия имеет такую силу, то бесспорно, что его значение в ораторском искусстве огромно» (*Cic. Or.* 56).

Употребление лексемы «произнесение» (так в русском переводе М.Л. Гаспарова, в котором мы привели цитату из трактата «Оратор») наводит на ложную ассоциацию с голосом, с речью, а ведь тут речь идет именно о жестикуляции (в самом широком смысле). Возможно, лучше говорить об «игре» (актерской игре). Ведь как *ὑπόκρισις* (ср. *ὑποκρίτης*, ‘лицемер’, тот, кто примеряет «лица»-маски, т.е. актер²⁷), так и *actio* (ср. *actor*) именно это и означают (см. выше)²⁸.

²⁵ *Actio*. самого этого слова в данной фразе нет, но из предшествующего ясно, что речь идет именно о нем.

²⁶ Далее у Цицерона следует не менее характерный пассаж о том, как впоследствии Эсхин рассказывал своим ученикам на Родосе, почему он со своей великолепной речью против Ктесифонта все-таки проиграл процесс Демосфену. Он прочитал им речь своего противника, максимально используя голосовые модуляции (*suasissima et maxima voce*), а затем оговорил: «Насколько вы бы еще больше восторгались, если бы слышали его самого (*si audissetis ipsum*)!» Цицерон резюмирует: «Этим он ясно показал, как много значит исполнение, полагая, что если исполнитель не тот, то и речь уже не та (*quantum esset in actione, qui orationem eandem aliam fore putarit actore mutato*)». Причем, подчеркнем, Эсхин ведь и сам слыл одним из самых артистичных аттических ораторов, Демосфен даже обзывал его «актеришкой» (тригонистом).

²⁷ Естественно, этимология слова *ὑποκρίτης* совсем иная (букв. ‘отвечающий’), она восходит к ранней стадии формирования афинского театра, когда один актер «отвечал» хору, т.е. вступал с ним в диалог. Но довольно рано данная лексема приобрела и переносное значение «притворщик».

²⁸ О связи риторики с актерским мастерством в античности см. также McDonald 2007.

Высказывание Демосфена, приводимое Цицероном по-латыни, известно и на древнегреческом (в изложении Псевдо-Плутарха²⁹), а в Плутарховом жизнеописании величайшего афинского оратора прямо говорится, что он пользовался уроками актерского мастерства (той самой «игры»). Началось, дескать, с того, что молодой Демосфен в красноречии не преуспевал, а его приятель, актер Сатир, убедил его, «сколько стройности и красоты придает речи “игра”» (ὄσον ἐκ τῆς ὑπόκρισεως τῷ λόγῳ κόσμου καὶ χάριτος πρόσσεισι), в результате чего Демосфен в дальнейшем «учился актерской игре и укреплял голос» (πλάττειν τὴν ὑπόκρισιν καὶ διαλονεῖν τὴν φωνήν — Plut. *Demosth.* 7; пер. С.П. Маркиша). Обратим внимание, что и здесь две эти вещи разнесены: голос отдельно, игра отдельно; стало быть, последняя должна относиться именно к жестикуляции (а у ораторов, конечно, еще и к мимике, поскольку они, в отличие от актеров, выступали без масок).

В другом месте той же биографии есть, впрочем, и вот какое наблюдение: «Собственная его “игра” привела народ в восторг (τοῖς μὲν οὖν πολλοῖς ὑποκρινόμενος ἤρεσθε θαυμάστῳς), но люди образованные, знатоки — и среди них Деметрий Фалерский — находили ее низменной, пошлой и бессильной» (Plut. *Demosth.* 11). Характерно, что в качестве критика «игры» Демосфена здесь упомянут лично его знавший Деметрий Фалерский — выходец из школы Аристотеля, этого певца умеренности. В «Риторике» Аристотеля о жестикуляции, как отмечалось выше, ничего не говорится (а, с другой стороны, о модуляциях голоса упоминается в начале 3-й книги трактата).

Но вот что пишет Цицерон об идеальном ораторе: «Движениями он будет владеть так, чтобы в них не было ничего лишнего. Держаться он будет прямо и стройно, расхаживать — изредка и ненамного, выступать вперед — с умеренностью и тоже нечасто; никакой расслабленности шеи, никакой игры пальцами, — он не будет даже отбивать ритм суставом... А какое достоинство (*dignitatem*), какую привлекательность изобразит его лицо... При этом должно избегать всякого излишества, всякого кривляния, зато искусно владеть взглядом» (*Or.* 59–60; пер. М.Л. Гаспарова).

У Цицерона, вообще говоря, мало общего с Аристотелем — куда меньше, чем с Платоном (ориентируясь именно на последнего, он и свои главные политико-правовые трактаты назвал “*De re publica*” и “*De legibus*”, и к диалогической форме изложения постоянно обращался). Но Платон риторике откровенно третирует³⁰, и позднему Цицерону (а «Оратор», из которого взята предшествующая цитата, одно из последних его сочинений), чувствуется, ближе, чем раньше, стал Стагирит, со взглядами которого он в полной мере ознакомился, поскольку был одним из первых, кто работал с пропавшими аристотелевскими трудами, обнаруженными в малоазийском Скепсисе, доставленными в Афины, а затем перевезенными Суллой в Рим³¹. В мышлении Цицерона (как, наверное, и любого представителя римской элиты)

²⁹ [Plut.] *Xorat.* 845b: ...ἐρομένου αὐτόν τινος τί πρῶτον ἐν ῥητορικῇ, εἶπεν ὑπόκρισις καὶ τί δεύτερον ὑπόκρισις καὶ τί τρίτον ὑπόκρισις.

³⁰ Gagarin 1994.

³¹ Об использовании Цицероном этих трудов Аристотеля см. Ruschenbusch 1963.

весьма важное место занимала категория достоинства (*dignitas*)³². В Греции для этой категории адекватного соответствия нет³³, но зато у греков была характерная категория уместности, приличия (*τὸ πρέπον*: Dion. Hal. *De comp. verb.* 20).

Как совершенно неуместные, неприличные, не соответствующие духу благородства осуждались в том числе и некоторые жесты. Чаще всего в качестве демонстративного нарушителя сложившихся норм выступлений перед народом выступает Клеон, этот едва ли не главный «антигерой» древнегреческой традиции, «самый неистовый (*βιαιότατος*) из граждан» (Thuc. III. 36. 6) и даже чуть ли не сумасшедший (*μανιώδης*: Thuc. IV. 39. 3)³⁴. Клеон «первый начал кричать на трибуне, и ругаться, и говорить перед народом, подвязав гиматий (*περιζωσάμενος*), тогда как остальные говорили благопристойно (*ἐν κόσμῳ*)» (Arist. *Ath. pol.* 28. 3; пер. С.И. Радцига). Пространнее, как всегда, Плутарх: «Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распушенностью и презрением к долгу³⁵, которые вскоре погубили все» (пер. Т.А. Миллер)³⁶.

Похоже, что после этого Клеона долго воспринимали как образчик политика этакого «нового стиля», радикально контрастировавшего со стилем политиков предыдущих поколений — Солона, Мильтиада, Кимона. Весьма характерен пассаж из речи Эсхина против Тимарха (политика из окружения Демосфена), которого обвинитель уличил (и с успехом) в крайне безнравственном поведении³⁷:

А как скромны были раньше знаменитые ораторы (*οὕτως ἦσαν σώφρονες οἱ ἀρχαῖοι ἐκείνοι ῥήτορες*): Перикл, Фемистокл, Аристид... То, что у всех у нас вошло теперь в привычку, — выступая, держать руку снаружи (*τὸ τὴν χεῖρα ἔξω ἔχοντες*), — это казалось им тогда чем-то дерзким (*θρασύ τι*), и они остерегались (*εὐλαβοῦντο*) это делать. Я думаю, что могу показать вам прямое, вещественное доказательство этого. Я уверен, что все вы в свое время бывали на Саламине и видели там статую Солона. Вы сами можете подтвердить, что на площади у саламинян водружена статуя, изображающая Солона держащим руку под плащом (*ἐντὸς τὴν χεῖρα ἔχων*). Это,

³² См. De Filippi 2009.

³³ Surikov 2015, 300–301.

³⁴ Об изображении Клеона Фукидидом см. Woodhead 1960 (весьма авторитетная статья, вызвавшая дискуссию: Pritchett 1973; Spence 1995); Biles 2016. В последней статье в связи с Клеоном говорится о «поэтике политики», а нам кажется, что в данном контексте следовало бы рассуждать о «риторике политики».

³⁵ Пожалуй, все-таки «к приличиям» (в оригинале *τοῦ πρέποντος*).

³⁶ Plut. *Nic.* 8: *καὶ τὸν ἐπὶ τοῦ βήματος κόσμον ἀνελὼν καὶ πρῶτος ἐν τῷ δημηγορεῖν ἀνακραγῶν καὶ περισπάσας τὸ ἱμάτιον καὶ τὸν μηρὸν πατάξας καὶ δρόμῳ μετὰ τοῦ λέγειν ἅμα χρῆσάμενος, τὴν ὀλίγον ὕστερον ἅπαντα τὰ πράγματα συγγέασαν εὐχέρειαν καὶ ὀλιγωρίαν τοῦ πρέποντος ἐνεποίησε τοῖς πολιτευομένοις.*

³⁷ В связи с речью Эсхина против Тимарха см. Olding 2007; Bultrighini 2011; Spatharas 2017

граждане афиняне, живое воспроизведение манеры и позы, с которой Солон выступал перед афинским народом. Обратите же внимание, граждане афиняне, насколько Солон и те мужи, о которых я упомянул немного ранее, отличались от Тимарха. Ведь они стыдились даже руку держать снаружи при выступлении (ἤσχυόνοντο ἔξω τὴν χεῖρα ἔχοντες λέγειν), а этот не когда-то там раньше, но буквально на днях, сбросив плащ, голый, словно борец³⁸, бесновался в народном собрании (ρίψας θοῖμάτιον γυμνὸς ἐπαγκρατίαξεν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ) (Aeschin. I. 25–26; пер. Э.Д. Фролова).

Не думаем, что Тимарх на самом деле разгуливал нагишом по экклесиастирию; скорее всего, здесь перед нами риторическое преувеличение, а в действительности он попросту приспустил гиматий с плеч еще сильнее, чем до него Клеон. Что же, парадоксальным образом приходится говорить даже об элементах стриптиза в политике демократических Афин? Похоже, что так; не следует, в конце концов, забывать о том, что античные греки доэллинистического времени эстетически ценили прежде всего обнаженное *мужское* тело (а на репутации Тимарха как лица, проституированного — в самом прямом смысле — с юных лет, Эсхин и построил всю свою систему аргументов).

В общем применительно к Афинам в источниках выстраивается следующая парадигма: консервативные политики в своих жестах сдержанны, радикальные же, напротив, развязны³⁹. Речь идет о жестах не только в прямом, узком, но также и в самом широком значении слова. Вернемся к тому же Клеону: «Афиняне... охотно шутили над его легкомыслием и сумасбродством (εἰώθεσαν αὐτοῦ τὴν κουφότητα καὶ μανίαν φέρειν μετὰ παιδιᾶς). Как-то раз, говорят, было созвано народное собрание, и народ долгое время сидел на Пниксе в ожидании Клеона. Наконец тот пришел с венком на голове (ἑστεφανωμένον)⁴⁰ и предложил перенести собрание на завтра. “Сегодня мне некогда, — сказал он, — я собираюсь потчевать гостей и уже успел принести жертву богам”. С хохотом (γέλᾶσαντας) афиняне встали со своих мест и распустили собрание» (Plut. Nic. 7; пер. Т.А. Миллер).

Превзошел Клеона в этом отношении один из его преемников-демагогов: скандально известный Клеофонт. Под конец Пелопоннесской войны, когда

³⁸ В оригинале Тимарх сравнивается даже не с борцом, а с панкратиастом — представителем еще более brutального вида спорта.

³⁹ Естественно, необходимо подчеркнуть условность этой парадигмы, этой оппозиции «консерваторы — радикалы» (в том числе и в плане жестикюляции). Она отражает прежде всего представления античных авторов, хотя, строго говоря, мы не взяли бы утверждать, что она совсем никак не соотносится с реальной действительностью. При обсуждении первоначального варианта статьи нам было указано, что в таком случае непонятно куда «приписать» Перикла, который плакал, защищая на суде Аспасию (это, бесспорно, тоже жест). По нашему убеждению, Перикл — политик-радикал, прямой предтеча Клеона. Это уже потом его стали воспринимать как консерватора — по контрасту с демагогами следующего поколения (такими, как Клеон, Клеофонт и др.).

⁴⁰ Венки — атрибут праздника, пирушки с друзьями, но уж никак не официального мероприятия. Таким образом, Клеон нарочито подчеркнул неформальный характер своего появления.

спартанцы после поражения при Аргинусах предлагали заключить мирный договор на весьма приемлемых для Афин условиях, он «явился в народное собрание⁴¹ пьяный и одетый в панцирь (ἐλθὼν εἰς τὴν ἐκκλησίαν μεθύων καὶ θώρακα ἐνδεδυκώς) и помешал заключению мира» (Arist. *Ath. pol.* 34. 1; пер. С.И. Радцига). Здесь следует указать на наиболее демонстративный жест Клеофонта — появление в одном из ключевых для государственного бытия полиса мест, в еkkлeсиастeрии, частично вооруженным, причем в момент заседания народного собрания. Это само по себе являлось грубейшим нарушением всех и всяческих норм: во второй половине V в. до н.э. разгуливать по гражданскому пространству с оружием могли разве что какие-нибудь захолустные этолийцы (Thuc. I. 5. 3)⁴². Однако Клеофонт, похоже, в тот момент не сомневался в своей безнаказанности, ибо был кумиром демоса. Впрочем, вскоре (в 404 г. до н.э., в период осады Афин и переговоров со Спартой об условиях мира) этот знаменитый демагог был-таки казнен, причем это стало следствием его очередного «жеста»: «он не явился в ряды гоплитов, желая отдохнуть (οὐκ ἦλθεν εἰς τὰ ὄπλα ἀναλασόμενος)» (Lys. XIII. 12). Иными словами, один из лидеров государства совершил прямое дезертирство, и притом в какой-то предельно демонстративной, даже, можно сказать, издевательской форме.

Выше отмечалось, что «отчаянность» жестикуляции, которую приписывали политикам-радикалам, порой сочеталась с манипуляциями с гиматием, с частичным обнажением тела. Понятно, что древнегреческая одежда в силу некоторых своих особенностей (отсутствие рукавов) действительно мешала мужчинам и (особенно) женщинам совершать энергичные жесты руками (а в жестикуляции — если брать ее в узком смысле — и вправду задействованы в первую очередь руки).

Но о женщинах в рамках данной статьи речь больше уже не пойдет (кроме мужчин, переодетых в женщин, см. ниже). Вернемся к теме «жесты и демократичность». Из афинских политиков середины VI в. до н.э. в качестве «наиболее демократичного» (δημοτικώτατος) Аристотелем отрекомендован Писистрат⁴³ (*Ath. pol.* 13. 4). А ведь вся история жизни того же Писистрата чуть ли не целиком состоит из жестов разного рода. История о том, как он нанес сам себе ранения, чтобы получить отряд телохранителей, вообще стала одним из популярных топосов античной традиции (ср., например, Hdt. I.

⁴¹ Относительно недавно М. Хансен высказался в пользу того, что афинское народное собрание на самом деле называлось (вопреки общепринятому ранее мнению) не ἐκκλησία, а δῆμος, термин же ἐκκλησία означал заседание народного собрания (Hansen 2010). Мы с этим, пожалуй, солидаризируемся.

⁴² В Великой Греции рано сложился рассказ о том, как Залевк (или Харонд), задумавшись, вошел на агору с мечом и, обнаружив это, немедленно этим же мечом себя заколол, дабы понести наказание за нарушение закона. Анекдот, конечно. Однако весьма характерный.

⁴³ Долго ждали специальной монографии о Писистрате. Наконец Б. Лавель после «пролегомена» (Lavelle 1993) выпустил таковую (Lavelle 2005). И очень характерно, что уже в подзаголовке этой книги фигурирует «демократическая» тирания.

59; Arist. *Ath. pol.* 14; Diod. XIII. 95. 6; Plut. *Sol.* 30; Polyæn. *Strateg.* I. 21. 3; Diog. Laert. I. 49–50), хотя как раз ее достоверность, на наш взгляд, весьма сомнительна⁴⁴. Зато вовсе не вызывают сомнений в достоверности свидетельства о въезде Писистрата в Афины на колеснице в сопровождении рослой девицы, изображавшей богиню (Hdt. I. 60)⁴⁵, или о его «неестественном» (οὐ κατὰ νόμον: Hdt. I. 61) половом общении с третьей супругой — юной Кесирой, дочерью Мегакла из рода Алкмеонидов⁴⁶, или об изъятии им (после третьего прихода к власти в 546 г. до н.э.⁴⁷) оружия у афинян.

Последний эпизод у Аристотеля описан так:

...Отобрал Писистрат оружие у народа следующим образом. Устроив смотр войска у Тесеяона, он пробовал обратиться к народу с речью и говорил недолго. Когда же присутствующие стали говорить, что не слышат, он попросил их подойти к преддверию Акрополя, чтобы могли лучше слышать его. А в то время как он произносил свою речь, люди, специально получившие такое распоряжение, подобрав оружие, заперли его в ближайшем здании — Тесеяоне — и, подойдя, знаком сообщили об этом Писистрату. Окончив говорить о других делах, он сказал и об оружии — что по поводу случившегося не надо ни удивляться, ни беспокоиться, но следует возвратиться по домам и заниматься своими делами, а о всех общественных позаботится он сам (ἀλλελθόντας ἐπὶ τῶν ἰδίων εἶναι τῶν δὲ κοινῶν αὐτὸς ἐπιμελήσεσθαι πάντων)» (*Ath. pol.* 15. 4; пер. С.И. Радцига)⁴⁸.

Может возникнуть вопрос, почему люди сложили оружие. А ответ на самом деле предельно прост: комплект вооружения гоплита был очень тяжел, в совокупности до 26 кг (греческий талант), а то и больше. Далее, поскольку полисное ополчение совпадало с гражданским коллективом, устроенный Писистратом смотр войска органично перетек в народное собрание. Гражданам теперь не было никакого резона без нужды держать на себе нелегкое бремя, и, естественно, каждый, сняв оружие и доспехи, положил их рядом.

⁴⁴ Surikov 2005, 185–186.

⁴⁵ К трактовке этого эпизода см. Connor 1987 (наиболее убедительная интерпретация, вводящая данный жест Писистрата в общекультурную традицию тогдашних эллинов); Boardman 1989 (менее убедительная интерпретация, ввиду своей чрезмерной конкретности, отождествления Писистрата именно с Гераклом, в то время как у зрителей возможные ассоциации могли быть более разнообразны); Andreev 1999 (совсем неубедительная интерпретация, ничем серьезно не аргументированная привязка Писистрата к аргосскому Диомеду).

⁴⁶ При определении имени этой жены Писистрата опираемся на старую, но полезную работу: Shear 1963. Генеалогические построения Лавеля представляются нам менее убедительными (Lavelle 1989).

⁴⁷ Именно так! В свое время Ю.Г. Виноградов, занимаясь проблемами хронологии основания Херсонеса Таврического (Vinogradov 1997, 397–419), зачем-то внес ненужную неясность в этот вопрос: утверждая, что третий приход Писистрата к власти состоялся в 529/528 г. до н.э., он ссылаясь при этом на статью Ф. Хайдбюхеля (Heidbüchel 1957), хотя в ней написано совсем иное.

⁴⁸ Прямая корреляция с Hdt. I. 62 (в связи с битвой при Паллене): κελεύοντες καὶ ἀλίεναί ἕκαστον ἐπὶ τὰ ἑωυτοῦ.

Ну, а потом получилось так, как и описано у Аристотеля⁴⁹: тиран, замыслив хитрость, намеренно говорил негромко и издали. Люди, чтобы лучше слышать, стали подходить к нему ближе; при этом оружие с собой, конечно, никто не взял, и оно осталось там, где лежало. Ведь не могли же афиняне предположить, что, пока они внимают Писистрату, за спинами у них его подручные тихонько соберут и спрячут «бесхозные» мечи, копья, щиты...

В одной из предыдущих работ⁵⁰ автор этих строк с сомнением отнесся к сообщениям источников о названном эпизоде. Однако ныне мы должны признать, что достаточных оснований для скептицизма по данному поводу нет, и скорректировать свою точку зрения. В целом такой поступок хорошо укладывался в общую политическую линию Писистрата. Возможно, нелишним будет уточнить, что понимание «общественного» (κοινόν) в условиях полиса являлось необычайно широким. Оно, в частности, было шире понятия «политического» и включало последнее в себя⁵¹. «Общественное» объединяло все виды коллективной деятельности, в сущности, всю сферу публичной жизни, которая в полисе (во всяком случае для граждан) имела явный приоритет над частной сферой. Κοινόν — это, помимо политики, также и религия, и военное дело, одним словом, все, что относится к уровню полиса, а не ойкоса. А теперь эту публичную сферу брал (официально, если и не фактически) в свои руки единоличный правитель.

Впрочем, мы, корректируя свой взгляд по конкретному вопросу о разоружении афинян Писистратом, не отказываемся при этом от своих выводов более общего характера: «Сообщается, что некоторые тираны предпринимали попытки разоружить гражданский коллектив. Но такие акции никогда не могли быть в полной мере эффективными. Во-первых, отсутствовал должный аппарат контроля (типа полиции, бюрократии и т.п.), который позволял бы правителю убедиться в том, что граждане, раз сдав оружие, так и продолжают оставаться без него. Не мог же тиран закрыть все оружейные мастерские! Во-вторых, разоружение граждан означало фактическую ликвидацию полисного ополчения, а это делало государство в высшей степени уязвимым в случае любых внешних конфликтов»⁵².

Поэтому считаем, что вышеописанное мероприятие Писистрата следует относить скорее опять же к числу символических жестов, которые так любил этот деятель и которые позднейшими античными авторами, стоявшими уже на чисто рационалистических позициях, односторонне воспринимаются как хитроумные политические трюки. Символизм акции по разоружению граждан подчеркивается еще и тем, что в рассказах о ней, содержащихся в нарративной традиции, фигурируют храмы. Причем здесь между двумя основными источниками — Аристотелем и Полиеном — есть определенное разногласие. Согласно первому, оружие было заперто в Тесейоне; второй же называет в данной связи храм Агравлы. Нам кажется, что именно эта вторая

⁴⁹ Ср. также Polyae. I. 21. 2.

⁵⁰ Surikov 2005, 193.

⁵¹ Schmitt-Pantel 1991.

⁵² Surikov 2005, 161.

версия более аутентична, поскольку в содержательном плане она являет собой *lectio difficilior*, т.е. труднее поддается объяснению.

Агравла (Аглавра), одна из чисто аттических мифологических героинь, воспринималась одновременно как ипостась Афины (наряду с другими эпиклесами богиня имела также и эту). Согласно мифу об Аглавре и ее сестрах, дочерях царя Кекропа, Афина вручила им на хранение своего приемного сына Эрихтония в корзине, настрого запретив заглядывать туда. Девушки, однако, нарушили запрет. За это богиня наслала на них безумие, и они бросились со скалы. Впоследствии Аглавра почиталась в Эрехтейоне, там же, где стоял древний палладий. Излишне специально оговаривать, что Эрихтоний и Эрехтей — мифологические дублиеты. Особенно интересно то, что Афина, по вине которой погибли царевны, вынуждена была пройти культовое очищение: она совершила омовение в море, и именно в честь этого события был учрежден праздник Плинтерий.

Как раз когда к власти приходил Писистрат, весьма характерный жест совершил и Солон, который был уже в преклонных годах: в 561 г. до н.э., когда возникла опасность установления тирании, он встал с оружием у дверей своего дома (Arist. *Ath. pol.* 14. 2; Plut. *Sol.* 30; ср. Diog. Laert. I. 50). Иногда эту традицию считают анекдотической⁵³. Однако она обладает всеми чертами внутренней цельности и непротиворечивости, а также хорошо согласуется с законом Солона о стасисе⁵⁴. Судя по всему, законодатель совершил символический поступок, демонстрируя, что он выполнил собственный закон и сделал все что мог. Жест, заметим, выходит сдержанным, даже весьма сдержанным; это в какой-то степени может восприниматься даже как отсутствие жеста, как некая статичная поза. Пассивность можно, безусловно, отчасти списать на возраст⁵⁵, хотя другая сторона того же эпизода — пресловутая умеренность: Солон античная традиция долгое время не считала радикалом⁵⁶, «отцом афинской демократии» он был провозглашен достаточно поздно (в основном усилиями ораторов IV в. до н.э.⁵⁷).

Впрочем, когда Солон был моложе, он тоже подчас решался на нетрадиционные жесты. Наиболее хрестоматийным является следующий. По сообщениям целого ряда авторов — Демосфена (XIX. 252), Плутарха (*Sol.* 8 sqq.),

⁵³ См., например, Semenov 1908.

⁵⁴ Surikov 2009.

⁵⁵ Ср. античный топос о сдержанности всего поведения стариков: Arist. *Rhet.* II. 1389b13 sqq.

⁵⁶ Хотя есть мнение, что в действительности он как политический деятель был радикальнее, чем обычно полагают. См., например: Gottesman 1998; Irwin 2005.

⁵⁷ Mossé 1979; Hansen 1989b; Carey 2015, 111. Ныне вопрос о Солоне как основоположнике демократии вновь активно обсуждается (Leduc 1998; Tsigarida 2006; Raaflaub, Ober, Wallace 2007; Lewis 2008; Sagstetter 2013). Впрочем, историография буквально по всем вопросам, связанным с Солоном, колоссальна (за последние несколько десятков лет о нем одних только монографий вышло, наверное, больше, нежели о любом другом античном афиняине), и здесь в наши планы не входит ее сколько-нибудь обильно цитировать.

Полиена (I. 20. 1), Юстина (II. 7. 9 sqq.), Фронтинна (*Strat.* II. 9. 9), Элиана (*Var. hist.* VII. 19) и Диогена Лаэртского (I. 46 sqq.), Солон инициировал войну Афин с Мегарами за Саламин, для чего написал пронизанную боевым духом элегию (Sol. fr. 2 Diehl), а затем сам возглавил афинские вооруженные силы в этом конфликте и добился перехода спорного острова под власть Афин⁵⁸.

В связи с этим эпизодом хотелось бы обратить внимание на некоторые значимые детали. Прежде всего для того чтобы продекламировать свою «саламинскую» элегию на афинской Агоре, Солон притворился сумасшедшим⁵⁹. Сам этот факт сомнений не вызывает, а вот его интерпретация, предлагаемая упомянутыми авторами (кстати говоря, в большинстве своем довольно поздними), кажется, некорректна: якобы афиняне до того были измучены длительной борьбой с Мегарами за Саламин, что законодательно запретили кому-либо из граждан поднимать вопрос о ее возобновлении. Помимо того, что само издание подобного закона вызывает серьезные сомнения (другие аналогичные случаи нам неизвестны), данная версия никак не объясняет поведения Солона. Он симулировал психическое заболевание, для того чтобы избежать наказания? Однако в древнегреческом праве столь ранней эпохи, несомненно, не существовало еще понятия невменяемости, освобождающей от кары. Иными словами, если бы Солон действительно нарушил закон, он был бы наказан, и не спасло бы никакое сумасшествие (тем более что быстро выяснилось бы, что сумасшествие это мнимое).

Очевидно, причину симуляции следует искать в чем-то ином. Как нам представляется (мы, разумеется, отнюдь не настаиваем на безусловной верности этого предположения, выдвигаем его чисто в порядке гипотезы), Солон подобным демонстративным, символическим жестом⁶⁰ подчеркивал необычность своего поведения в тот момент. Сограждане, хорошо знавшие Солона, не могли представить себе, чтобы он в нормальном состоянии прибегнул к «риторике ястреба»⁶¹. Не надень он, пусть на короткое время, маску притворного безумия, афиняне просто не поняли бы его, он слишком далеко отошел бы от их ожиданий по поводу того, что из уст этого политика можно услышать⁶².

⁵⁸ К контексту эпизода, в котором фигурирует, как увидим далее, и вышеупомянутый Писистрат, см. Frost 1999.

⁵⁹ См. Irwin 2006, 40 ff.

⁶⁰ О важности символических форм поведения в архаической Греции см. в программной статье: Connors 1987.

⁶¹ В произведениях Солона, несмотря на раннее время их создания, присутствуют уже, как убедительно показала М. Нуссия (Noussia 2006), элементы достаточно изощренной риторики. Разумеется, исследовательница вполне отдает себе отчет в том, что применительно к архаической эпохе следует говорить скорее о «проториторике»: риторика как таковая появляется в V в. до н.э., прежде всего в связи с интеллектуальной деятельностью Горгия (de Romilly 1975, 1 ff.; Wardy 2000).

⁶² О том, сколь малое место занимает «военная риторика» в поэзии Солона, см. Surikov 2010.

Война Афин с Мегарами за Саламин, в которой не только словом, но и делом отличился Солон, не была гоплитской войной, и исход ее решался не в столкновениях фаланг. Она велась на море; более того, главную роль в этом затянувшемся⁶³ вооруженном конфликте сыграли неоднократно использовавшиеся вначале Солоном, а затем Писистратом военные хитрости, *μηχαναί*. Об одной из них особенно настойчиво, с некоторыми расхождениями, повторяют источники. Приведем основные свидетельства, поскольку, как увидим, они имеют самое непосредственное отношение к теме нашей статьи, хоть на первый взгляд это и не бросается в глаза.

Солон поехал морем вместе с Писистратом на Колиаду. Там он застал всех женщин приносящими жертву Деметре по древнему обычаю. Он послал на Саламин верного человека, который должен был выдать себя за перебежчика и посоветовать мегарянам, если они хотят захватить афинских женщин из лучших домов, как можно скорее ехать с ним на Колиаду. Мегаряне поверили ему и послали отряд на корабле. Когда Солон увидел, что корабль отчаливает от острова, он велел женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имеющим бороды, приказал надеть их платья, головные уборы и обувь, спрятать под платьем кинжалы, играть и плясать у моря (*τὰς μὲν γυναῖκας ἐκποδῶν ἀπελθεῖν ἐκέλευσε, τῶν δὲ νεωτέρων τοὺς μηδέλω γενειῶντας ἐνδύμασι καὶ μίτρασι καὶ ὑποδήμασι τοῖς ἐκείνων σκευασαμένους καὶ λαβόντας ἐγχειρίδια κρυπτὰ παίζειν καὶ χορεύειν προσέταξε πρὸς τῇ θαλάττῃ*), пока неприятели не выйдут на берег и пока афиняне не завладеют кораблем. Между тем, обманутые их видом мегаряне, пристав к берегу, наперебой стали выскакивать из корабля, приняв их за женщин. Ни один из них не спасся; все погибли. А афиняне поплыли на Саламин и овладели им (Plut. *Sol.* 8; пер. С.И. Соболевского).

Была война у афинян и мегарцев за Саламин. Солон отплыл к Колиаде; там женщины устраивали праздник в честь Деметры у самого моря. Солон отправляет перебежчика, чтобы он сообщил мегарцам: «Если к Колиаде вы поплывете, то захватите афинских женщин, пляшущих в хороводе; но не медлите». Мегарцы верят обману. Итак, они поплыли; Солон же приказывает, чтобы женщины ушли. А безбородых юношей, наряженных в женские одежды, надевших венки и вооруженных скрытыми под одеждой кинжалами, он поставил на морском берегу играть и водить хороводы (*Σόλων δὲ τὰς γυναῖκας ἀναχωρῆσαι κελεύει, μεράκια δὲ ἀγένεια ταῖς τῶν γυναικῶν ἐσθῆσι κεκοσμημένα, στεφάνους περιεείμενα, κρυπτοῖς ἐγχειριδίοις ὠπλισμένα παρὰ τὴν ἡῖόνα παίζειν καὶ χορεύειν ἔταξεν*). Мегарцы, обманутые видом безбородых юношей и женской одеждой, сойдя с кораблей, попытались схватить этих будто бы женщин, а они, обнажив кинжалы, вместо женщин оказались очень даже мужчинами: врагов убили, на корабли взошли, Саламином овладели (Polyaen. *Strateg.* I. 20. 2; пер. О.Ю. Владимирской).

Между тем мегаряне не забыли о войне, которую начали против них афиняне и, боясь, как бы не показалось, что они, мегаряне, воевали без всякого успеха, садятся на корабли, намереваясь захватить афинских женщин ночью во время элевсинских таинств. Афинский вождь Писистрат, узнав об этом, сажает в засаду юношей и приказывает женщинам справлять празднество, как обычно, с шумными кликами, даже и тогда, когда враги приблизятся, чтобы те не догадались, что

⁶³ Судя по всему, он длился с рубежа VII–VI вв. до 560-х годов до н.э. (см. Surikov 2005, 119, 182).

замысел их открыт. Когда мегаряне, ничего не подозревая, сошли с кораблей, Писистрат напал на них и их уничтожил. Затем он тотчас же на захваченных кораблях поплыл в Мегары, посадив кое-где между воинами женщин, чтобы их сочли за пленниц. Когда мегаряне узнали свои корабли как по их наружному виду, так и потому, что увидели на них ожидаемую добычу, они выбежали к гавани встретить их. Писистрат перебил мегарян и едва не захватил город (Just. II. 8. 1–5; пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского).

Афинянин Писистрат захватил флот мегарцев, на котором те подплыли ночью к Элевсину, чтобы захватить занятых исполнением мистерий афинянок. Отомстив им жестоким избиением, он посадил на эти самые захваченные суда афинских воинов и поместил на виду несколько почтенных женщин, якобы пленниц. Мегарцы, обманутые видимостью, толпою вышли навстречу, думая, что это их корабли возвращаются, да притом с успехом, и, безоружные, вновь были разгромлены (Frontin. *Strat.* II. 9. 9; пер. А.Б. Рановича).

Солон, стоя во главе афинян во время войны за остров Саламин, отбил два мегарских корабля, отдал их под команду афинян, передел воинов в одежду, снятую с врагов, и, достигнув Мегар, перебил в городе много народу, так как мегарцы не распознали военной хитрости и потому не вооружились (Ael. *Var. hist.* VII. 19; пер. С.В. Поляковой).

Как видим, за много веков, прошедших между афино-мегарской войной и временем жизни всех пяти процитированных писателей, эпизод, о котором идет речь, стал передаваться со значительными вариациями, что, конечно, порождает ряд проблем. Неясно даже, Солону или Писистрату следует приписывать данную стратегему; источники в этом отношении не согласны друг с другом. Впрочем, вполне вероятно, что ближе всех к истине Плутарх, ставящий в своем рассказе имена этих двух государственных мужей рядом. Из гораздо более достоверных авторов (Hdt. I. 59; Arist. *Ath. pol.* 14. 1) доподлинно известно, что Писистрат, как и Солон, участвовал в войне с Мегарами (несомненно, уже на ее последнем этапе) в качестве полководца; собственно, именно это и стало первой причиной возрастания влияния будущего тирана. Солон и Писистрат, находившиеся, кстати, в родственных отношениях, долгое время действовали в политике как союзники. Не будет ничего невероятного в предположении, что описанную военную хитрость против мегарян задумал Солон, а Писистрат ее непосредственно воплотил в жизнь.

Из приведенных свидетельств наименее достоверным представляется сообщение Элиана. В нем, судя по всему, имеет место контаминация двух событий: интересующего нас, с переодеванием, и другого — с захватом мегарского корабля. О последнем подробнее также повествует Плутарх (*Sol.* 9), который, со своей стороны, не смешивает эти эпизоды.

Остальные четыре рассказа четко разбиваются на две пары: Плутарх и Полиен, Юстин и Фронтин. Два первых совпадают между собой до деталей, два вторых — тоже, а вот друг от друга эти пары существенно отличаются. Несомненно, следует говорить о двух конкурирующих традициях. И более аутентичной из них представляется, бесспорно, та, которая

отразилась у Плутарха и Полиена. Другая традиция, представленная Юстином и Фронтинумом, содержит, как минимум, одну очень грубую ошибку, серьезно подрывающую доверие и ко всей излагаемой ими версии, а именно: стратегема, главную роль в которой играет попытка захвата женщин, никак не может быть приурочена к Элевсинским мистериям, участие в которых не ограничивалось по половому принципу, а только к какому-то чисто женскому празднеству. Несомненно, речь может идти только о Фесмофориях, поскольку в первый день Фесмофорией обряды происходили как раз на мысе Колиаде, в Фалерской гавани⁶⁴.

Что же главное в наиболее достоверных свидетельствах? Мотив, связанный с *переодеванием мужчин-воинов в женщин*. И думается нам, что здесь с большим основанием следует говорить не столько о банальном трюке, направленном на обман противника, сколько об актуализации некоего архаичного ритуала⁶⁵. Смутные отголоски этого, кстати, прослеживаются и в сообщениях менее достоверных, искажающих факты. В них появляются то женщины (но без переодевания), то переодевание (но без женщин), а Плутарх и Полиен дают наиболее полную и связную картину.

Принимая женское обличье, но при этом оставаясь воинами, молодые афиняне как бы уподоблялись Афине, женщине и воину в одном лице. Припоминается, кстати, интересная параллель: древний кумир Афины раз в год, во время праздника Плинтерий раздевали и омывали. Вскоре после этого происходило главное афинское торжество в честь этой богини, в ходе которого статуе подносили новый пеплос. Все это факты хорошо известные, а нам хотелось бы только заметить, что для омовения статую отвозили на берег моря, хотя чисто утилитарной надобности для такой поездки совершенно не существовало: вполне можно было бы омыть статую и в храме. У моря, как мы помним, разыгрался и упоминавшийся выше эпизод с переодеванием. Причем происходил он в той же Фалерской гавани, в которой происходило омовение статуи Афины⁶⁶.

Целый ряд деталей различного характера начинает связываться в единую цепочку. Ключевым в ней оказывается представление, что афинский полис спасаем от внешних врагов женщиной-воином, богиней Афиной. Соответственно, для достижения успехов на полях сражений нужно не столько самим проявлять храбрость и доблесть, сколько добиться помощи от божественной покровительницы. Сделать это можно было, конечно, несколькими способами; в частности, в рамках мифолого-магических представлений (с характерными для них сложными ассоциативными связями по смежности, сходству или даже противоположности) одним из вполне резонных средств воздействия на божество мог быть именно такой: чтобы пришла на подмогу богиня-воин, мужественная и мужеподобная женщина, мужчины-воины

⁶⁴ Latyshev 1997, 132.

⁶⁵ Для реконструкции, следующей ниже, здесь мы приводим аргументацию наших тезисов лишь в сокращенном, неполном виде, поскольку подробно развернули их в другом месте (Surikov 2010).

⁶⁶ Latyshev 1997, 142.

должны посредством переодевания принять женское обличье, причем сделать это в том же месте, где обычно «купается», обнажившись, сама Афина.

Между прочим, ассоциативную связь между мотивами купания Афины и смены пола встречаем мы совсем в другом — фиванском — мифологическом цикле, в связи с легендами о пророке Тиресии. По одной из версий, он увидел как-то раз купающуюся Афины и был за это ею ослеплен; по другой — ударил палкой спаривающихся змей и в наказание стал на семь лет из мужчины женщиной, а потом опять мужчиной⁶⁷. Похоже, здесь произошло раздвоение базовой мифологемы, в которой Тиресий был наказан временным ношением женского облика за лицемерие купания Афины.

Кстати, в другом месте⁶⁸ мы отмечаем, что как в стихах Солона, так и в его законодательстве ярко отразилась подчеркнута маскулинная гендерная идеология. В стихах афинского мудреца женщина практически и вовсе не присутствует. В его же законах она очень даже присутствует, но в каком качестве? Иными словами, какова была сверхзадача солонических мер, относившихся к слабому полу? Уж точно не улучшить его положение. Напротив — сделать его (при всей важности выполняемых им функций) как можно более незаметным⁶⁹. Позиция Солона уже предвосхищает позицию Перикла: та женщина самая лучшая, о которой всего меньше говорят мужчины (Thuc. II. 45. 2)⁷⁰. Как поэт-законодатель в целом ряде других отношений выступил в качестве деятеля, заложившего фундамент классической афинской демократии⁷¹, так он стал и первым ярким представителем ее гендерной идеологии, по своему характеру⁷², повторим, маскулинной, и даже гипермаскулинной.

В то же время в сообщениях источников об эпизоде с захватом Саламина постоянен, как мы видели, этот самый мотив гендерной инверсии с неизменным переодеванием, своеобразным «трансвестизмом». Ниже мы еще вернемся к данному эпизоду.

Д. Латеинер, автор упоминавшейся выше статьи о невербальных способах коммуникации в труде Геродота, выделяет следующие пять видов таковых⁷³: ритуализованные жесты, обуславливающие социальное поведение индивида (оплакивание, погребение, молитвы, но также и столь простые, повседневные формы, как танцы, пиры и т.п.); неформальные, но вполне

⁶⁷ Yarkho 1990, 528.

⁶⁸ Surikov 2016.

⁶⁹ См., например, в связи с законодательством Солона о погребениях: Blok 2006.

⁷⁰ О маргинализации женщин в Афинах см. Castriota 2005; Pomeroy 2006; Patterson 2007; Valot, Atkinson 2015. О том, как свое отношение к женщинам Перикл проявлял в своей законодательной деятельности (имеется в виду закон о гражданстве 451/450 г. до н.э.), см. Will 1995, 50 ff.; Osborne 1997; Blok 2009 (особенно важная работа!); Coşkun 2013.

⁷¹ Детальный анализ вклада Солона см. de Ste. Croix 2005, 73 ff.; Raaflaub, Ober, Wallace 2007, 49 ff. В связи конкретно с областью семейного права см. Lape 2002/2003.

⁷² Об этом характере (с диахронным анализом) см. Surikov 2007.

⁷³ Lateiner 1987, 85–87.

сознательные жесты, как кивок головой в знак согласия или отстранение от чрезмерно приблизившегося собеседника; невольный «язык тела», не обусловленный напрямую сознанием, имеющий место в кризисных ситуациях (в качестве примера Латейнер приводит истерический смех «женихов» Пенелопы, когда Одиссей расстреливает их из лука, но нам, вообще говоря, не казалось бы нужным выделять такие положения в отдельную категорию, мы охотнее присоединили бы их к следующей); жестикуляция на уровне подсознания (Латейнер упоминает здесь слезы, а нам вот еще приходят в голову конвульсии корчащегося на дыбе...); использование предметов как знаков невербальной коммуникации (Одиссей в одежде нищего) — этот пункт тоже представляется нам избыточным.

В целом чрезмерно сложную классификацию, приведенную выше, мы бы упростили, сократив с пяти до трех градаций: 1) жесты сознательные и ритуализованные; 2) жесты сознательные, но неритуализованные, индивидуальные; 3) жесты бессознательные. В связи с «риторикой жеста» в данной статье шла речь в основном о жестах второй категории, ибо лишь в них могла проявлять себя личность (все люди в равной мере одинаково отдадут последний долг умершему или кричат при пытках, коль скоро уж такое пришло...). Надеемся, нам удалось показать, что в рамках культуры сознательных неритуализованных жестов жесты более умеренные соотносились с политической позицией, которая представлялась также более умеренной, жесты несдержанные — с позицией радикальной. Когда молодой Алкивиад отрубил хвост своей великолепной собаке (Plut. Alc. 9), он уже, так сказать, делал этим некую заявку⁷⁴.

В начале этой статьи речь шла о Гипериде, политике чрезвычайно радикальном (по сравнению с ним даже Демосфен или Ликург были, можно сказать, образцами «умеренности»). О «жесте», завершившем его жизнь, сообщается в «Жизнеописаниях десяти ораторов»: «Когда его привезли в Коринф к Антипатру и подвергли пыткам, он сам откусил себе язык, чтобы не выдать никаких тайн своего государства (βασανίζόμενος, διέφαγε τὴν γλῶτταν, ὥστε μηδὲν ἐξείλεῖν τῶν τῆς πόλεως ἀπορρήτων)... Гермипп же говорит, что Гиперида привезли в Македонию, отрезали [ему] язык (γλωττοτομηθῆναι) и бросили без погребения... Другие говорят, что Гиперид умер в Клеонах, куда его увезли вместе с остальными, что там ему отрезали язык (γλωττοτομηθῆναι)» ([Plut.] *X orat.* 849b–c; пер. Л.М. Глускиной).

Честно говоря, трудно представить, как можно откусить собственный язык (хотя его можно заглотить). Тем не менее этот жест является достаточно популярным топосом в древнегреческой традиции, обычно в контексте борьбы с тиранией. Его приписывали, например, философам Зенону Элейскому (при пытках он «наконец отгрыз себе язык и выплюнул его тирану в лицо» — ἀλοτραγόντα τὴν γλῶτταν προσπύσαι αὐτῷ: Diog. Laert. IX. 27; пер. М.Л. Гаспарова) и Анаксарху Абдерскому. Последний менее известен; он жил во времена Александра Македонского и как-то приехал ко двору своего

⁷⁴ Ср. совершенно превратную трактовку этого эпизода: Zberovskiy 2014, 166.

врага Никокреонта, последнего царя Саламина Кипрского⁷⁵. Тот начал его пытать. «А когда Никокреонт приказал вырезать ему язык, то он, говорят, сам его откусил и выплюнул тому в лицо (κελεύσαντος δὲ τοῦ Νικοκρέοντος καὶ τὴν γλῶτταν αὐτοῦ ἐκμηθῆναι, λόγος ἀποτραγόντα προσπύσαι αὐτῷ)» (Diog. Laert. IX. 59; пер. М.Л. Гаспарова).

В биографии Демосфена Плутарх все же пишет о том, что Гипериду перед смертью язык отрезали (Ἵπερείδου δὲ καὶ τὴν γλῶτταν ἐκμηθῆναι ζῶντος λέγουσι: Plut. *Demosth.* 28), а не о том, что он сам себе его откусил. Но отметим еще, что в том же жизнеописании содержится подробный рассказ о предсмертном жесте (на этот раз, судя по всему, действительно вполне достоверном), который совершил сам Демосфен⁷⁶. В 322 г. до н.э. он укрывался от преследователей в храме (на Калаврии), но когда понял, что ему не уйти, принял яд, который хранил при себе в своем каламе. И притом не упустил случая сыграть перед тем свою последнюю «игру» (обратим внимание, насколько насыщен словами с ὑποκρι- соответствующий пассаж, Plut. *Demosth.* 28–29), вдоволь поиздевавшись над прибывшим взять его македонским агентом Архием — то ли бывшим актером, то ли бывшим оратором, как чрезвычайно характерно оговаривает Плутарх.

Когда автор этих строк в 2017 г. делал доклад на ту же тему в РГГУ, Д.И. Антонов в ходе дискуссии после выступления поставил вопрос, можно ли считать жестами поступки, которые совершались не в *риторических*, т.е. не в демонстративных, а в ситуативных, функциональных целях. Иными словами, не смешиваем ли мы две разные материи? Мы тогда ответили (и теперь по-прежнему хотели бы на этом настаивать), что одно другому не противоречит: в жесте, поступке вполне могут сочетаться прагматическая сторона со стороной символической. Так, взятие Солоном Саламина при помощи юношей, переодетых в женщин, с одной стороны, конечно, является стратегемой; с другой же стороны, выше отмечалось, что тут ощущаются и аллюзии на некий древний ритуал (подчеркнем, именно символизированные аллюзии на ритуал, а не воспроизведение ритуала, так что этот жест неправоммерно относить к категории «ритуальных»). Или: Демосфен покончил с собой, дабы его не подвергли перед казнью жестоким пыткам, если он живым попадет в руки врагов, — это прагматика. А вот театрализация им самоубийства — это уже символика, риторика жеста.

Литература / References

- Andreev, Yu.V. 1999: [Tyrants and heroes: historical stylization in political practice of the “Old Tyranny”]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 3–7.
Андреев, Ю.В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании. *ВДИ* 1, 3–7.
Balot, R.K., Atkinson, L.M. 2015: Women and slaves in Greek democracy. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxford, 389–404.

⁷⁵ О нем см. Christodoulou 2009.

⁷⁶ Об эпизоде смерти Демосфена см. Worthington 2013, 335 ff.

- Biles, Z.P. 2016: Thucydides' Cleon and the poetics of politics in Aristophanes *Wasps*. *Classical Philology* 111, 117–138.
- Blok, J.H. 2006: Solon's funerary laws: questions of authenticity and function. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 197–247.
- Blok, J.H. 2009: Perikles' citizenship law: a new perspective. *Historia* 58. 2, 141–170.
- Boardman, J. 1989: Herakles, Peisistratos, and the unconvinced. *Journal of Hellenic Studies* 109, 158–159.
- Bultrighini, U. 2011: Dal *Menone* alla *Contro Timarco*: strategie del conformismo. In: R. Scuderi, C. Zizza (eds.), *In ricordo di Dino Ambaglio: Atti del convegno. Università di Pavia, 9–10 dicembre 2009*. Pavia, 57–77.
- Burgoon, J.K., Humpherys, S., Moffitt, K. 2008: Nonverbal communication: research areas and approaches. In: U. Fix, A. Gardt, J. Knape (eds.), *Rhetorik und Stilistik: Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung*. Bd 1. Berlin–New York, 787–812.
- Cairns, D. 2005: Bullish looks and sidelong glances: social interaction and the eyes in ancient Greek culture. In: D. Cairns (ed.), *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Swansea, 123–156.
- Carey, C. 2015: Solon in the orators. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin–Boston, 110–128.
- Cascardi, A.J. 2004: Arts of persuasion and judgment: rhetoric and aesthetics. In: W. Jost, W. Olmsted (eds.), *A Companion to Rhetoric and Rhetorical Criticism*. Oxford, 294–308.
- Castriota, D. 2005: Feminizing the barbarian and barbarizing the feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile. In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 89–102.
- Chaniotis, A. 2005: [Theatricality beyond the theater. Staging public life in the Hellenistic world]. *Antiquitas aeterna* 1, 155–190.
Ханиотис, А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире. *Antiquitas aeterna* 1, 155–190.
- Christodoulou, P. 2009: Nicocréon, le dernier roi de Salamine de Chypre: Discours idéologique et pouvoir politique. *Cahiers du Centre d'Études Chypriotes* 39, 235–238.
- Clarke, M. 2005: On the semantics of ancient Greek smiles. In: D. Cairns (ed.), *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Swansea, 37–54.
- Connor, W.R. 1987: Tribes, festivals and processions: civic ceremonial and political manipulation in archaic Greece. *Journal of Hellenic Studies* 107, 40–50.
- Cooper, C. 2008: Hypereides, Aristophon, and the settlement of Keos. In: C. Cooper (ed.), *Epigraphy and the Greek Historian*. Toronto, 31–56.
- Coşkun, A. 2013: Weitere Überlegungen zu den Voraussetzungen und Folgen des Perikleischen Bürgerrechtsgesetzes: Nataralisierung und Epigamie im Klassischen Athen. *Klio* 95, 2, 391–404.
- Crowley, S. 2002: Body studies in rhetoric and composition. In: G.A. Olson (ed.), *Rhetoric and Composition as Intellectual Work*. Carbondale–Edwardsville, 177–187.
- De Filippi, M. 2009: *Dignitas tra repubblica e principato*. Bari.
- Dutsch, D. 2013: Towards a Roman theory of theatrical gesture? In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden–Boston, 409–431.
- Florence, M. 2014: The body politic: sexuality in Greek and Roman comedy and mime. In: T.K. Hubbard (ed.), *A Companion to Greek and Roman Sexualities*. Oxford, 366–380.
- Frost, F.J. 1999: Solon and Salamis, Peisistratos and Nisaia. *Ancient World* 30, 1, 133–139.
- Gagarin, M. 1994: Probability and persuasion: Plato and early Greek rhetoric. In: I. Worthington (ed.), *Persuasion: Greek Rhetoric in Action*. London–New York, 46–68.
- Gottesman, A. 1998: Solon's fox: poetry and revolution in archaic Athens. *Pomoerium* 3, 19–25.
- Hansen, M.H. 1989a: *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989*. Copenhagen.
- Hansen, M.H. 1989b: Solonian democracy in fourth-century Athens. *Classica et mediaevalia* 40, 71–99.

- Hansen, M.H. 2010: The concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in classical Athens. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 50, 499–536.
- Heidbüchel, F. 1957: Die Chronologie der Peisistratiden in der Atthis. *Philologus* 101, 1/2, 70–89.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.
- Irwin, E. 2006: The transgressive elegy of Solon? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 36–78.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the institution of the “democratic” family form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lateiner, D. 1987: Nonverbal communication in the *Histories* of Herodotus. *Arethusa* 20, 1/2, 83–119.
- Lavelle, B.M. 1989: Koisyra and Megakles, the son of Hippokrates. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 30, 4, 503–513.
- Lavelle, B.M. 1993: *The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C.* Stuttgart.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and “Democratic” Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- Latyshev, V.V. 1997: *Oчерк греческих древностей: богослужебные и сценические древности* [A Study in Greek Antiquities: Sacral and Scenic Antiquities]. Saint Petersburg.
- Латышев, В.В. *Очерк греческих древностей: богослужебные и сценические древности*. СПб.
- Leduc, C. 1998: La représentation « aristotélicienne » de la *politeia* de Solon: la politique « dans » le domestique. *Ktéma* 23, 415–422.
- Lewis, J.D. 2008: *Solon the Thinker: Political Thought in Archaic Athens*. London.
- Llewellyn-Jones, L. 2005: Body language and the female role player in Greek tragedy and Japanese Kabuki theatre. In: D. Cairns (ed.), *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Swansea, 73–106.
- McCart, G. 2007: Masks in Greek and Roman theatre. In: M. McDonald, J.M. Walton (eds.), *The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre*. Cambridge, 247–267.
- McDonald, M. 2007: Rhetoric and tragedy: weapons of mass persuasion. In: I. Worthington (ed.), *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxford, 473–489.
- Meyer-Kalkus, R. 2008: Rhetorik der Stimme (actio II: pronuntiatio). In: U. Fix, A. Gardt, J. Knape (eds.), *Rhetorik und Stilistik: Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung*. Bd 1. Berlin–New York, 679–688.
- Mossé, C. 1979: Comment s’élabore un mythe politique: Solon, « père fondateur » de la démocratie athenienne. *Annales: économies, sociétés, civilisations* 34, 3, 425–437.
- Noussia, M. 2006: Strategies of persuasion in Solon’s elegies. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 134–155.
- O’Connell, P. 2013: Hyperides and *Epoiteia*: a new fragment of the *Defense of Phryne*. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 53, 90–116.
- Olding, G. 2007: Myth and writing in Aeschines’ *Against Timarchus*. In: C. Cooper (ed.), *Politics of Orality*. Leiden–Boston, 155–170.
- Osborne, R. 1997: Law, the democratic citizen and the representation of women in classical Athens. *Past & Present* 155, 3–33.
- O’Sullivan, N. 1997: Caecilius, the “Canons” of writers, and the origins of atticism. In: W.J. Dominik (ed.), *Roman Eloquence: Rhetoric in Society and Literature*. London–New York, 27–41.
- Patterson, C. 2007: Other sorts: slaves, foreigners, and women in Periclean Athens. In: L.J. Samons (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Pericles*. Cambridge, 153–178.
- Peshkov, I.V. 1998: *Vvedenie v ritoriku postupka* [An Introduction to the Rhetoric of Action]. Moscow.
- Пешков, И.В. *Введение в риторику поступка*. М.
- Pomeroy, S.B. 2006: Women and ethnicity in classical Greece: changing the paradigms. In: K.H. Kinzl (ed.), *A Companion to the Classical Greek World*. Oxford, 350–366.

- Pritchett, W.K. 1973: The Woodheadean interpretation of Kleon's Amphipolitan campaign. *Mnemosyne* 26, 376–386.
- Raaflaub, K.A., Ober, J., Wallace, R.W. 2007: *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley.
- Robert, F. 2009: Χερσὶν αὐτὰς λαλεῖν (Luc., *Salt*. 63): rhétorique et pantomime à l'époque impériale. In: G. Abbamonte, L. Miletto, L. Spina (eds.), *Discorsi alla prova: Atti del Quinto Colloquio italo-francese Discorsi pronunciati, discorsi ascoltati: contesti di eloquenza tra Grecia, Roma ed Europa*. Napoli, 225–257.
- Romilly, J. de 1975: *Magic and Rhetoric in Ancient Greece*. Cambridge (MA).
- Ruschenbusch, E. 1963: Die Zwölf Tafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen. *Historia* 12. 3, 250–253.
- Sagstetter, K.S. 2013: *Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant?* Diss., University of Pennsylvania.
- Ste. Croix, G.E.M. de 2005: *Athenian Democratic Origins and Other Essays*. Oxford.
- Schirren, T. 2008: Rhetorik des Körpers (actio I). In: U. Fix, A. Gardt, J. Knappe (eds.), *Rhetorik und Stilistik: Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung*. Bd 1. Berlin—New York, 669–679.
- Schmitt-Pantel, P. 1991: Collective activities and the political in the Greek city. In: O. Murray, S. Price (eds.), *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxford, 199–213.
- Semenov, A.F., 1908: [Solon in the panoply]. *Germes [Hermes]* 2, 1, 23–25.
Семенов, А.Ф. Солон во всеоружии. *Гермес* 2, 1, 23–25.
- Shear, T.L. 1963: Koisura: three women of Athens. *Phoenix* 17, 2, 99–112.
- Spatharas, D. 2017: Sex, politics, and disgust in Aeschines' *Against Timarchus*. In: D. Lateiner, D. Spatharas (eds.), *The Ancient Emotion of Disgust*. Oxford, 125–139.
- Spence, I.G. 1995: Thucydides, Woodhead, and Kleon. *Mnemosyne* 48, 4, 411–437.
- Stewart, E. 2017: *Greek Tragedy on the Move: The Birth of a Panhellenic Art Form c. 500–300 BC*. Oxford.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klassika [Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch. Archaic and Early Classical Periods]*. Moscow.
Суриков, И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Surikov, I.E. 2007: [The dynamics of the gender situation in aristocratic and democratic Athens]. *Adam i Eva [Adam and Eve]* 14, 87–112.
Суриков, И.Е. Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах. *Адам и Ева* 14, 87–112.
- Surikov, I.E. 2009: [The most enigmatic law of Solon: problems of its authenticity and historical context]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva [Journal of History, Literature, and Arts]* 6, 239–252.
Суриков, И.Е. Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторический контекст. *Вестник истории, литературы, искусства* 6, 239–252.
- Surikov, I.E. 2010: [Athena the Warrior: Solon, Pisistratus, and Athenian civic army in the 6th century B.C.]. *Mnemon* 9, 27–54.
Суриков, И.Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. *Мнемон* 9, 27–54.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsia: Mental'nost', religiya, kultura [Ancient Greece: Mentality, Religion, Culture]*. Moscow.
Суриков, И.Е. *Античная Греция: Ментальность, религия, культура*. М.
- Surikov, I.E. 2016: [The gender aspect of Solon's poetry and law-making]. *Scripta antiqua* 5, 233–266.
Суриков, И.Е. Гендерный аспект поэзии и законодательства Солона. *Scripta antiqua* 5, 233–266.
- Tsigarida, I. 2006: *Solon — Begründer der Demokratie?* Bern.

- Varakis, A. 2010: Body and Mask in Aristophanic Performance. *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London* 53, 1, 17–38.
- Vernant, J.-P. 1988: *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli* [*Les origines de la pensée grecque*] (Russian transl.). Moscow.
- Вернан, Ж.-П. *Происхождение древнегреческой мысли*. М.
- Vinogradov, J.G. 1997: *Pontische Studien*. Mainz.
- Wardy, R. 2000: Rhetoric. In: G.E.R. Lloyd (ed.), *Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge*. London, 465–485.
- Wiles, D. 2008: The poetics of the mask in old comedy. In: M. Revermann, P. Wilson (eds.), *Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin*. Oxford, 374–392.
- Will, W. 1995: *Perikles*. Reinbek.
- Woodhead, A.G. 1960: Thucydides' Portrait of Cleon. *Mnemosyne* 13, 4, 289–317.
- Worthington, I. 1994: The canon of the ten Attic orators. In: I. Worthington (ed.), *Persuasion: Greek Rhetoric in Action*. London–New York, 244–263.
- Worthington, I. 2013: *Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece*. Oxford.
- Yarkho, V.N. 1990: [Teiresias]. In: E.M. Meletinskiy (ed), *Mifologicheskiy slovar'* [*A Mythological Lexicon*]. Moscow, 528.
- Ярхо, В.Н. 1990: Тиресий. В кн.: Е.М. Мелетинский (ред.), *Мифологический словарь*. М., 528.
- Zberovskiy, A.V. 2014: *Demokratische traditsii politicheskoy kul'tury Drevney Gretsii VIII–V vekov do n.e.: issledovanie filosofii kul'tury i politiki antichnykh demokratii* [*Democratic Traditions of Political Culture in Ancient Greece, 8th-5th Centuries B.C.: A Study in the Philosophy of Culture and Politics in Ancient Democracies*]. Krasnoyarsk.
- Зберовский, А.В. *Демократические традиции политической культуры Древней Греции VIII–V веков до н.э.: исследование философии культуры и политики античных демократий*. Красноярск.